

**Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой
«Субъекты и квазисубъекты права:
теоретико-правовые проблемы разграничения»¹**

Актуальность и степень научной разработанности темы. Избранная для диссертационного исследования тема является актуальной, поскольку в значительной мере связана с анализом еще недостаточно хорошо изученных юридической наукой новых правовых явлений, а также с анализом правовых аспектов прогнозируемых изменений в будущей жизни человечества – таких, как дальнейшее и все ускоряющееся развитие робототехники, искусственного интеллекта, продуктов геномной инженерии, ожидаемых открытий в области генома человека, искусственного интеллекта, создания более совершенных автономных технических устройств, воссоздания человека путем клонирования и т. д. В последнем случае, как верно отмечено в диссертации, могут возникнуть сложности с определением места в обществе такого (воссозданного путем клонирования) человека, его правового статуса: «Сможет ли он быть субъектом права, самостоятельно приобретать субъективные права и юридические обязанности, нести юридическую ответственность? Создание человеческих клонов способно изменить представления об участниках правовых отношений, субъектах права. Учитывая достижения в области медицины, геномной инженерии, юридическая наука должна переосмыслить сформированные в духе позитивизма доктринальные положения о правовых лицах, выработать содержательные критерии отграничения субъекта права от того, кто таковым не является» (с. д. 4, если будут указаны страницы автореферата, то дано сокращение – с. а.). Соискатель несколько не преувеличивает, заостряя проблему и показывая, что она давно назрела в нашей науке, а потому ждет своего глубокого и пытливого исследователя. Следует добавить, что данный спектр проблем очень активно обсуждается всей передовой мировой интеллектуальной элитой, и особенно показательно то, что даже неюристов волнует проблема субъекта и квазисубъекта права, хотя часто и без употребления последнего термина. Чтобы не быть голословным, приведу полную цитату из весьма популярного на сегодняшний день в мире трактата, посвященного предвидению будущего (и изданного на 50 иностранных языках), – из книги «Homo Deus. Краткая история будущего» (2015, перевод на русский язык – 2018). Его автор, Юваль Ной Харари, пишет: «Законы человеческого общества уже признают “субъектами права” интерсубъективные сущности, такие как корпорации и нации. Хотя *Toyota* или Аргентина не имеют ни тела, ни разума, они являются субъектами международного права, которые могут владеть землей и деньгами, а также привлекать и привлекаться к суду. **Не исключено, что в недалеком будущем такой же статус получат и алго-**

* Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенный профессор университетов Париж-Восток, Париж-Запад, Клермон-1 (Франция).

¹ См.: Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пономарева Елена Владимировна. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. – 208 с. ; Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пономарева Елена Владимировна. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. – 32 с.

ритмы. И тогда ничто не помешает алгоритму сделаться хозяином транспортной империи или венчурного фонда **и перестать подчиняться желаниям человеческих особей»** (выделено нами. – А. С.)². Алгоритмы, о которых пишет мыслитель, – это искусственный интеллект, причем автор книги – не юрист, но даже и он прекрасно понимает все, мягко скажем, сомнительные последствия такого законодательного решения, которое гипотетически не является совсем уж невозможным. Последствия такого признания могут затронуть весьма болезненно не только экономику, культуру, но и политику, право и вообще все сферы жизни человечества самого ближайшего будущего. Обсуждению ряда тревожных сценариев посвящена также книга (одна из очень и очень многих) французских авторов – Александра Лорана и Жана-Франсуа Коппе, одного из лидеров французской партии Республиканцев, к которой мы вернемся чуть позже³. И только появление диссертации Е. В. Пономаревой, которая обосновала признаки квазисубъекта права, т. е. того, кто ни при каких условиях не должен признаваться субъектом права, позволяет, как мне представляется, отодвинуть эту угрожающую перспективу на некоторое время, а если диссертант будет услышан мировой юридической общественностью, то такая перспектива может быть отброшена навсегда.

Столь новаторская тема, нацеленная как никакая другая, известная мне за последние 20–25 лет, работа, на реализацию прогностической функции теории права и государства, разумеется, не может быть хорошо разработана в нашей, да и во всей мировой юридической литературе. Хотя мне кажется, что наши зарубежные коллеги уделяют этому вопросу гораздо больше внимания, чем мы. Поэтому появление исследования Е. В. Пономаревой представляется мне весьма и весьма своевременным. В диссертации имеется необходимое обоснование степени (и пока, как уже отмечалось, далеко не достаточной) научной разработанности проблемы квазисубъекта в юридической литературе, в том числе с использованием иностранного опыта и иностранных источников по теме. И поэтому нельзя не согласиться с диссертантом в том, что «как целостное явление квазисубъект права не стал самостоятельным объектом правовых исследований» (с. д. 5).

Цель, научная новизна и общий анализ диссертации. Целью анализируемого исследования является «разработка теоретической концепции разграничения квазисубъектов и субъектов права» (с. д. 6), а новизна выражается в том, что впервые в юридической науке «осуществлен комплексный анализ феномена квазисубъекта права, его признаков, причин возникновения» (с. д. 7). Кроме того, новизна исследования заключается в «выделении методологических оснований и состава необходимых и достаточных критериев разграничения субъектов и квазисубъектов права» (с. д. 7). Отметим сразу, что анализ методологических оснований на том уровне, на котором он был осуществлен в данной работе, является весьма и весьма серьезным достижением для диссертанта, претендующего всего лишь на статус кандидата юридических наук.

Научная новизна исследования находит свое самое непосредственное и детализированное выражение в 10 положениях, вынесенных на защиту: обосновано существование в правовой системе квазисубъекта, изучены его признаки и представлена классификация по нескольким основаниям (1–3-е положения); обстоятельно разработаны методологические основания разграничения субъекта и квазисубъекта права, доказано их принципиальное отличие, а также выявлены необходимые и достаточные критерии их разграничения (положения 4–6-е); убедительно доказано, что искусственный разум, а также роботизированные автономные системы не способны быть субъектами права (положение 7-е). В 8–10-м

² Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. – М. : Синдбад, 2019. – С. 378.

³ Alexandre L., Cope J.-F. L'intelligence artificielle va-t-elle aussi tuer la Démocratie? – P., 2019.

положениях автор демонстрирует работоспособность, т. е. возможность применения к тому или иному эмпирическому материалу своей теоретической концепции на примере ряда образований, признание которых субъектами или квазисубъектами является спорным в современной юридической литературе (нация, трудовой коллектив, семья).

Поставленная цель и вытекающие из нее исследовательские задачи успешно реализованы во введении, двух главах, объединяющих семь параграфов, заключении и списке использованной литературы и нормативных правовых актов (259 источников, в том числе около трех десятков – на иностранных языках). В первой главе – **«Субъекты и квазисубъекты права: понятия, методологические основания и критерии разграничения»**, состоящей из трех параграфов, – Е. В. Пономарева исследовала три подхода к пониманию субъекта права – позитивистский, естественно-правовой и постмодернистский (с. д. 14 и далее), выделила их основные достоинства и недостатки; раскрыла причины возникновения феномена квазисубъекта права в правовых системах самых разных времен и народов; предложила определение субъекта права (с. д. 36); проанализировала понятие (с. д. 36–41) и характерные признаки квазисубъекта (с. д. 41–45, с. а. 16–18); выделила методологические основания, а также необходимые и достаточные критерии (восемь критериев) разграничения субъекта и квазисубъекта права (с. д. 60–83, с. а. 20–24).

Во второй главе – **«Отдельные виды квазисубъектов права»** – рассмотрена классификация квазисубъектов права по нескольким основаниям и проведен анализ отдельных квазисубъектов права на основе сформулированных ранее критериев разграничения субъектов и квазисубъектов права. Следует согласиться с диссертантом в том, что приставка «квази» активно используется в науке и прочей интеллектуальной, языковой практике для поименования объектов (субъектов), очень похожих на те, к которым добавляется указанная приставка, но тем не менее ими не являющихся в полной мере. Можно добавить к этому примеры и из других частных теорий теории права и государства. Так, в успешно защищенной недавно весьма интересной кандидатской диссертации на тему **«Институт применения права в системе современного российского правосудия: общетеоретический и технико-юридический аспекты»** ее автор, Л. С. Гайниев, выделяет характерную (нормативную) и нехарактерную (казуистическую) юридическую технику судебных решений, предполагающую во втором случае рассмотрение дел в особом правоприменительном режиме – с применением аналогии закона или **«с опорой на квазипрецеденты, т. е. с ориентацией на общие принципы законодательства и результаты рассмотрения другими судами аналогичных дел, без непосредственного упоминания об этом в тексте актов судебного правоприменения. Несмотря на то что в российской правовой системе не систематизирована вся имеющаяся прецедентная практика, в силу нестандартности дела суды обладают правомочием следовать опыту ранее состоявшихся судебных постановлений...»** (выделено нами. – А. С.)⁴. Такая же ситуация характерна, кстати, и для французской судебной-правовой системы (общей юрисдикции), где суды могут и в ряде случаев обязаны (не юридически, а фактически, если не хотят, чтобы их решение было отменено вышестоящей апелляционной или кассационной инстанцией, когда последние уже сформулировали свою четкую правовую позицию по аналогичному делу) следовать **«результатам рассмотрения другими судами аналогичных дел, без непосредственного упоминания об этом в тексте актов судебного правоприменения»**. Для чего нам необходим анализ данной ситуации? Только для

⁴ См.: Гайниев Л. С. Институт применения права в системе современного российского правосудия: общетеоретический и технико-юридический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019. – С. 13–14.

того, чтобы понять смысл использования приставки «квази» в нашей юридической науке, а именно: для юриста континентальной системы ориентация на «результаты рассмотрения другими судами аналогичных дел, без непосредственного упоминания об этом в тексте актов судебного правоприменения» при наличии, тем не менее, даже здесь правомочий судов следовать опыту ранее состоявшихся судебных постановлений, т. е. «прецедентной практике», описывается в категории «квазипреcedент», так как в романо-германской правовой системе нет, прежде всего, официального признания прецедента, а потому исключен один из его классических признаков – такой, как ссылка на соответствующее предшествующее, фактически прецедентное судебное решение. Для юриста же общей, англо-американской правовой системы – это не что иное, как настоящий прецедент, и он вполне обоснованно может обвинить «континентальщиков» в том, что они «играют в понятия», поскольку последний суть реальный, настоящий прецедент, который в континентальной правовой доктрине называют квазипреcedентом. Следовательно, приставка «квази» прилагается к какому-либо явлению не потому, что оно «на самом деле» имеет такое качество (описываемое приставкой «квази»), т. е. качество мнимое, ненастоящее, всего лишь близко похожее на нечто близкое и т. д., а потому, что ее авторы смотрят на мир через определенные теоретико-концептуальные очки. Небольшое движение доктрины или законодателя в соответствующую сторону позволит нам в первом случае легко называть «квазипреcedент» прецедентом, а в случае с квазисубъектами, к которым автор относит нации, трудовые коллективы, семьи, крестьянские фермерские хозяйства и ряд других образований, – субъектами права. В мировой литературе, как мы видели ранее, сомнения высказываются даже по поводу искусственного интеллекта, который некоторые авторы предлагают признать субъектом права.

Сомнения могут оставаться сомнениями, однако в рамках теоретической конструкции, разработанной Е. В. Пономаревой, вполне можно согласиться практически со всеми, сделанными ею, выводами и положениями, и в частности с выбором тех, кого она признает субъектом права, и тех, кому в этом отказывает, предлагая именовать подобные образования всего лишь квазисубъектами права. Вынесенные на защиту положения обладают необходимой степенью новизны, научной обоснованности и достоверности. И тем не менее, соглашаясь с диссертантом по всему спектру основных позиций и подходов, мы в ряде случаев все же полагаем, что некоторые вопросы требуют дополнительного размышления и обсуждения, к чему мы сейчас и переходим.

Дискуссионные положения. 1. Е. В. Пономарева, исходя из разработанной ею теоретической конструкции, убедительно обосновала невозможность выступать в качестве субъектов права ни нациям, ни народностям, ни трудовым коллективам, ни семье. Она лишь великодушно согласилась на то, чтобы они именовались квазисубъектами права. В связи с этим возникает вопрос: какие практические (про теоретические понятно: концепция не позволяет) неблагоприятные последствия может получить та или иная правовая система (и российская прежде всего), если она все-таки признает данные сложные образования субъектами права? Хотелось бы получить краткую выкладку лишь наиболее серьезных неблагоприятных практических последствий, с которыми может столкнуться общество, если признает всех названных здесь квазисубъектов субъектами права, и, хотя бы как минимум, дать такого рода (т. е. возможный неблагоприятный) прогноз в случае признания последним семьи, которая в ряде правовых порядков выступает сегодня в качестве субъекта права. На данный момент мы не видим таких неблагоприятных последствий, а в ряде случаев и, наоборот, полагаем, что признание некоторых квазисубъектов субъектами права пошло бы на пользу нашему правовому порядку.

2. Диссертант определяет субъекта права как «решающую инстанцию в праве, участника правовой коммуникации, который характеризуется потенциальной или реальной способностью самостоятельно, актом собственной воли, приобретать и реализовывать субъективные права и юридические обязанности, нести юридическую ответственность, осуществлять правовую деятельность» (с. д. 36), делая упор в разворачивании существенных признаков указанной дефиниции на свободе воли и базирующихся на них «решающих» характеристиках субъекта права. Однако естественно-научные исследования прошлого века доказывают со всей очевидностью, что у человека нет никакой свободной воли. В уже упомянутом выше произведении Ю. Харари приводятся многочисленные ссылки на результаты соответствующих естественно-научных открытий и экспериментов, показывающих, что концепт «свободная воля» есть лишь теоретическая фикция, фантазия, выдумка философов XVII–XVIII веков. Ю. Харари пишет, что, вскрыв в XX веке «черную шкатулку с надписью *Homo Sapiens*, ученые не нашли в ней ни бессмертной души, ни свободной воли, ни пресловутого «я» – одни только гены, гормоны и нейроны, подчиняющиеся **тем же физическим и химическим законам, что управляют всей прочей материей...** Электрохимические процессы в мозге, приводящие к убийству, либо предопределены, либо случайны, либо комбинация того и другого. **Но они никогда не свободны.** Выброс нейроном электрического импульса – это или определенная реакция на внешний раздражитель, или следствие случайного события вроде спонтанного распада радиоактивного атома. Ни то ни другое **не оставляет места свободной воле.** Решения, являющиеся итогом цепной биохимической реакции, где каждый этап спровоцирован предыдущим, конечно же, **не свободны.** Решения, к которым приводят случайные субатомные явления, тоже **не свободны – они просто случайны.** И когда случайные явления смешиваются с детерминированными процессами, мы получаем вероятностные результаты. **Но и они не эквивалентны свободе»** (выделено нами. – А. С.)⁵.

Данные естественных наук ставят немало вопросов и перед юриспруденцией тоже: вопросы могут быть разные, но хотелось бы, чтобы диссертант задумался о следующих. Во-первых, какую дефиницию субъекта права предложит нам диссертант, если исключить из нее признак свободной воли и, следовательно, решающей инстанции, каковой субъект права на деле не является и являться не может, поскольку у него нет никакой возможности самостоятельно и независимо принимать ответственные решения, ибо конструкт свободной воли является простой фикцией, заблуждением ученых предшествующих поколений? Во-вторых, если наши коллеги, занимающиеся естественно-научными исследованиями, исключили из наших определений признак свободной воли, тогда какие у нас остаются препятствия для того, чтобы не признавать искусственный интеллект субъектом права?

3. Давно уже проводятся вполне успешные эксперименты, связанные с вживлением в мозг человека компьютерных чипов, помогающих ему преодолевать те или иные трудности своего бренного существования, вылечиться от тех или иных психических заболеваний, например, и т. д., т. е. стать в какой-то мере другой личностью или, можно сказать, сверхчеловеком в некотором отношении. Это обсуждают разные авторы, в том числе упомянутые выше L. Alexandre, J.-F. Cope в книге «*L'intelligence artificielle va-t-elle aussi tuer la Democratie*»⁶. В буквальном переводе с французского это устройство называется «мозговой имплантат», но можно назвать его и иначе, – допустим, «нейротерапевтический протез» (у Ю. Ха-

⁵ Харари Ю. Н. Указ. соч. С. 330–331.

⁶ Alexandre L., Cope J.-F. Op. cit. P. 40–41.

рари – это вживленный в мозг пациента электрод), который сначала позволяет лечить людей с разными психическими заболеваниями, а потом – как это обычно и бывает с подобного рода изобретениями, – несколько усовершенствованный, позволит самому простому, заурядному, ординарному человеку, но обязательно обладающему хорошим банковским счетом, получать сверхпреимущества в своей как повседневной, так и всей остальной жизни и деятельности.

Вопрос к диссертанту: кто в таком случае будет здесь субъектом права? Пациент с нейротерапевтическим протезом или его системный администратор, т. е. лечащий врач (какое из этих двух названий подходит лучше, судить читателю)? Кто будет нести юридическую ответственность за возможные противоправные действия лица с нейротерапевтическим протезом? Ведь понятно же, что в программное обеспечение вживленного в мозг чипа, имплантата или протеза могут быть «вшиты» самые разные ценностные предпочтения и ориентации (умышленно или по грубой неосторожности). Возможно ли, что оба упомянутые выше лица – пациент и его лечащий врач – будут субъектами права или одним общим – новым – субъектом права? Или имеет смысл обсудить эту ситуацию в рамках категорий ограниченной и (или) полной/неполной дееспособности и т. д., и т. п.? А может быть, кто-то из указанных субъектов будет субъектом права, а другой – всего лишь квазисубъектом, и т. д.?

Думается, что большая часть из поставленных здесь вопросов не имеет пока простых и однозначных ответов. Но в любом случае можно сделать вывод, что подготовленная Е. В. Пономаревой диссертация не только решила поставленные ею проблемы разграничения субъекта и квазисубъекта права, но и послужит хорошим стартовым основанием для серьезного обсуждения вопросов признания (или непризнания) субъектами права тех или иных социальных, интеллектуально-технических, виртуальных, искусственных, искусственно-естественных и т. п. образований и систем, которые появляются сначала в наиболее развитых странах, а потом быстро распространяются по всему миру. Ответы на указанные вопросы, рекомендации законодателю и правоприменителям, которые делаются в данной диссертации, необходимы нам не послезавтра и даже не завтра, а уже сегодня, и к этому общемировому вызову российская юридическая наука, несомненно, будет подготовлена гораздо лучше, поскольку в ней имеются работы, подобные рассматриваемой в настоящей рецензии, что обуславливает **теоретическую и практическую значимость данного диссертационного исследования**. Мало сказать, как указывает на это Е. В. Пономарева, что «положения диссертации носят прогностический характер, направлены на выявление и решение тех проблем, с которыми уже в ближайшем будущем столкнется правовое сообщество в связи с развитием науки и техники (искусственный интеллект, автономные роботизированные системы), что может учесть законодатель при регулировании соответствующих правоотношений» (с. д 13). Я не сомневаюсь, что подобного рода работы станут настольной книгой юристов не только конца XXI, но и XXII века, как минимум.

Диссертация написана строгим научным, академическим стилем, выдвигаемые автором тезисы скрупулезно обосновываются и аргументируются, выводы логически и теоретически обоснованы. Основные ее положения нашли отражение в автореферате, а также в шести публикациях, в том числе (четыре из них) – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что данное диссертационное исследование соответствует в полной мере всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кан-

дидата юридических наук⁷, а ее автор – Елена Владимировна Пономарева – заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Laws, senior research fellow at RAS,
the Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation, dean of Law Faculty,
head of Public Law chair, professor, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg);
visiting professor of Paris-Quest University (France)

**The Report on the Ponomaryova E.V. Dissertation
“Subjects and Quasi-subjects of the Law:
Theoretical and Legal Problems of Distinction”**

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // Собрание законодательства РФ. – 07.10.2013. – № 40 (ч. III). – ст. 5074.